

Дѣло Рузвельта

1. Клуб непонимающих

За пятнадцать мѣсяцев со времени перваго посланія Рузвельта конгрессу, американская литература обогатилась нѣсколькими не лишенными блеска политическими памфлетами. Все же самой ядовитой была сатира не писанная, а живая: «Клуб ничего непонимающих». Его основали враги Рузвельта, которые на своих собраніях обсуждали смятеніе в настоящем и темный хаос в будущем, порожденные хозяйственными реформами президента. Клуб мог бы безмѣрно расширить свой состав не только лицами, считающими дѣло президента и его сотрудников гибельным, но и тѣми, кто горячо ему сочувствует или, выжидая результатов, пассивно терпит. Обиліе «непонимающих» по обѣ стороны океана объясняется не одной лишь сложностью экономических явленій, затронутых в Америкѣ смѣлым законодательством и невиданной хозяйственной практикой. Ученіе «как государство богатѣет» было всегда мало доступно не-специалистам, даже в далекія и блаженныя времена, когда для его усвоенія было достаточно читать Адама Смита. На международной хозяйственной конференціи в Лондонѣ присутствовали не обыватели, а извѣстные всему міру специалисты и ученые. Не без вызова и научнаго самодовольства они подчеркивали свое полное непониманіе дѣйствій Рузвельта и в кулуарах в качествѣ единственной гипотезы, объясняющей противорѣчія в посланіях президента, выдвигали его «фантастическое невѣжество» в экономической наукѣ.

Было бы несправедливо отнести к упорному «непониманію» как к приему борьбы враждующих социальных сил, или разсматривать его как столкновение двух школ, полностью друг друга исключаящих. Вѣдь, своеобразіе практики Рузвельта в том и заключается, что ея никак не уложить в теоретически оформленную систему. Причина «непониманія» гораздо глубже. Она связана с нѣкоторыми специфическими особенностями на-

уки о народном хозяйствѣ. Экономическая наука родилась полтора вѣка тому назад на зарѣ эпохи предѣльно свободнаго хозяйстваванія. Случайность рожденія обусловила основныя предпосылки новаго ученія, а его дальнѣйшее теоретическое развитіе было отраженіем в отчетливо формулированных «экономических законах» производственнаго развертыванія, единственнаго и неповторимаго в исторіи вѣка. У своих истоков этот чудесный вѣкъ примыкалъ к хозяйству замкнутых цехов и гильдій, а закончился на глазах наших отцов связанным хозяйством трестов, картелей, государственных и синдикальных монополій. За этот короткій період из всѣх стихій было извлечено больше могущества, чѣм за все время существованія человѣка на землѣ. Бурное матеріальное преображеніе міра в девятнадцатом вѣкѣ принято приписывать концентрации производственных сил. Концентрація была лишь слѣдствіем экономической свободы — хозяйстваванія безогляднаго и беспощаднаго. В ничѣм не ограниченном соревнованіи стремительно возносилось вверх все крѣпкое, творящее, для даннаго момента рентабельно оправданное. Цѣлые хозяйственные организмы и социальныя пласты обрекались на гибель, нищету и вырожденіе, если труд их давал менѣе продуктивные результаты, чѣм труд болѣе удачливых соперников. Капитал в сочетаніи с дарованіем пріобрѣлъ необычайную подвижность: любое мѣсто на земном шарѣ, гдѣ предчувствовалось пробужденіе новых сил, стихійно его привлекало. В пору своей цвѣтушей юности этот недолговѣчный строй искалъ таланты и в них нуждался. Из жизни устранялось все, что мѣшает свободному соревнованію и выявленію индивидуальных способностей: привилегіи рожденія, касты; скептицизм развѣдал вяжущую власть традицій и авторитетов. Исканіе было провозглашено высшей формой любви к человѣку — ничѣм не стѣсненное, всепроникающее точное изслѣдованіе; а высшей доблестью — рекорд, — преодоленіе в безудержном соревнованіи. Из всѣх хозяйственных систем становленіе индустриальнаго капитализма было наиболѣе родственно процессам, происходящим в живой природѣ и открытым в этом же вѣкѣ: борьбѣ за существованіе и выживанію приспособленных на трупах ослабѣвших или обойденных неблагоприятным сочетаніем вѣтвистых условий. Освоеніе этих, тогда еще оголенных,

не осложненных дальнѣйшими изслѣдованіями истин оказало вліяніе не только на матеріалистическую философію и этику, но и на формулированіе законов хозяйственнаго развитія. Именно тогда со всей отчетливостью было обосновано свойство капиталистическаго хозяйства регулироваться автоматически при помощи чудеснаго и незыблемаго во времени механизма свободнаго цѣнообразованія на рынкѣ, созданнаго борьбой экономических сил. Были научно освящены законы о рентѣ, о неизбѣжных, саморазсасывающихся, заранѣе предвидимых кризисах, необходимых для періодическаго устраненія накопившихся в хозяйствѣ диспропорцій. Вѣрили, что, подобно законам біологіи, и эти «законы» имѣют универсальное и вѣчное значеніе. Историческая перспектива придаст XIX вѣку особую колоритность, и нашим потомкам он будет казаться самой яркой, самой сказочной из всѣх эпох европейской культуры.

Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны сразу перешли от хозяйства рабовладѣльческаго к эпохѣ зрѣлаго капитализма. В свѣжей, дѣвственной средѣ, не знавшей европейскаго устоявшагося и организованнаго ремесла, капиталистическая система проявила невиданный творческій размах, но быстро гипертрофировалась и отяжелѣла: было время, когда тресты и картели считались явленіем нездоровым, вызванным специфически американскими условіями. Но именно в Америкѣ монопольныя тенденціи в хозяйствѣ вызвали наибольшее возмущеніе и наиболѣе дѣйственные протесты. Соединенные Штаты были тогда не только страной трестов, но и страной пионеров и психологіи масс были близки идеи классической либеральной школы во всей их первобытной свѣжести, в то время, как в Европѣ онѣ давно были сужены и обезкрылены работами Ф. Листа, австрійской школы и других. Лозунгом, давшим Теодору Рузвельту президентскій пост (1901 г.), было обѣщаніе «взорвать тресты». Сколько пламенной вѣры в цѣлительную силу освѣжающаго вѣтра свободной конкуренціи, сколько наивных аргументов из арсенала Бастіа было в его предвыборных рѣчах. В отвѣтъ — буря восторга и званіе любимца народа. Тенденціи треста казались соціальной патологіей, грозящей естественному порядку вещей и праву cadaquo созидать свое счастье. Очень скоро выяснилось, что уничто-

жить тресты невозможно. «Теодор Рузвельт, пишет теперь Франклин Рузвельт, пытался передвинуть назад часы истории. Это оказалось невозможным». Законодательство против трестов выродилось в бессильное дѣленіе их на «хорошіе» и «дурные», при чем «дурные» тресты путем несложных формальностей обходили всѣ чинимыя им затрудненія.

За время, протекшее между избраніем Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, часы истории все ускоряли свой ход. Наканунѣ войны почти вся крупная промышленность Соединенных Штатов была подѣлена между шестьюстами гигантскими концернами. Послѣ войны и великой технической революціи на- двигался уже третій період: измѣненіе во внутренней структурѣ самых трестов и их хозяйственное окостенѣніе. Разразилась катастрофа 1929 года. Кризис охватил весь мір и не разсасы- вался в предуказанное наукой время и предусмотрѣнными ею путями. Создалось положеніе, при котором всякое немед- ленное дѣйствіе спасительнѣе самаго мудраго выжиданія. Наука о народном хозяйствѣ, взращенная в эпоху далеко унесенную временем, была бессильна теоретически оформить новый мір. Ея лучшіе представители искренне не понимают дѣла Франкли- на Рузвельта и его революціонных совѣтников. Ни науку, ни ея служителей нельзя за это осуждать. Их давно и навсегда защитил Гегель. «Философія и без того всегда приходит слиш- ком поздно, чтобы сказать свое слово наставленія о том, как- им должен быть мір. Как мысль міра, она появляется лишь в такое время, когда дѣйствительность уже завершила процесс своего образованія и приняла законченныя формы... Когда фи- лософія рисует сѣрым по сѣрому свою картину, форма жизни уже состарилась, и «сѣрым по сѣрому» ея нельзя омолодить, а только лишь познать; только в сумерках сова Минервы начи- нает свой полет»...

Поколѣнію, живущему на рубежѣ двух безконечно чуж- дых друг другу эпох, суждено видѣть все великолѣпіе заката прошлаго и лишь прерывистыя зарницы будущаго. Не потому ли с такой изумительной отчетливостью воспринимается сей- час сокровенный смысл міра, себя исчерпавшаго и погружаю- щагося в небытіе? И только для него сумеречная птица мудро- сти начала свой запоздалый, свой медлительный полет.

2. Робот и его тѣнь

Теодор Рузвельтъ сражался с трестами с запальчивостью партизана и переоцѣнил значеніе моральной правоты, как оружія в хозяйственной борьбѣ. Теоретически он защищал ущербленные блага рыночной конкуренціи. Европейскіе политико-экономы, придерживавшіеся тѣх же взглядов на цѣлительное значеніе свободнаго цѣнообразованія, тѣм не менѣе Теодора Рузвельта тогда не поддержали. Его наивный наскокъ нарушал еще болѣе глубокое и неукоснительное представленіе об ограниченности человѣческой воли в хозяйственных процессах: вѣдь, нигдѣ идеалистическій порыв Дон-Кихота не приносит столько реальных бѣдствій и опустошеній, как в области экономической.

Теодор Рузвельтъ воевал с трестами «горизонтальными». Они объединяли предпріятія, добывавшія или производившія одни и тѣ же продукты, и кульминаціей их стремленій была власть над рынком. Этот трест идиллическаго времени сохранял большую хозяйственную гибкость. Соотношеніе подвижной части его достоянія (оборотный капитал) и части связанной (основной капитал) было нормальным для свободнаго маневрированія и допускало широкое приспособленіе к запросам рынка. Можно было выключать из производства отдѣльные цехи или цѣлыя фабрики, уменьшать количество сырья на складах или наполнять их запасами готовых издѣлій. Разбухшій производственный комплекс измѣнил лишь отношеніе производителя к потребителю. Внутренняя, чисто техническая структура оставалась прежней. Этот былой американскій горизонтальный трест В. Зомбарт назвал «типичнѣйшим проявленіем поздняго капитализма».

Так было до технической революціи. Как всѣ великія революціи, подготовлялась она исподволь, и никто не вѣдал часа ея прихода. Первые осознанныя проявленія происшедших глубоких перемѣн относят теперь к 1924 году. Датой рожденія новой промышленности, в дѣйствительности слѣдует считать 1915-1916 г.г., когда Соединенные Штаты превратились в грандіозную мастерскую для воюющих народов. Чудесный механизм рынка был насильственно пріостановлен и потерял вся-

кую власть над производством. Из всех стран противогерманской коалиции и из нейтральных стран по поручению коалиции германской лился непрерывный поток заказов и золота. Все добываемое и изготовляемое человеком было необходимо на неопределенный срок и в неопределенно большом количестве. Все закупалось вперед, «на корню» — совершенно независимо от стоимости. Премировалась лишь скорость выпуска изделий. Тогда-то и создались условия для искусственно ускоренного, завершающего порыва давно наматившихся тенденций.

Основным принципом завода-робота, его душой — является внутреннее движение добываемого или обрабатываемого продукта. Оно дано, как следствие из свойств материала и требуемого конечного его видоизменения. Движение это раз навсегда задано: его можно замедлить или ускорить, но нельзя изменить волею руководителей предприятия. Подобно циркуляции крови в живом организме, этим неукоснительным движением определяются все функции и все строение новой промышленности. Им диктуется организационная схема и ему же подчинены техническая и административная стороны предприятия. Трактор, пушка, вагон, снаряд, автомобиль, плуг, станок, паровоз, ткань, башмак — подвергаются скрупулезно-тщательному изучению со стороны свойств материала и количества времени нужных для его обработки и сборки. На основании этих данных и предъявляемых потребителем требований выработывается «нормальный», «серийный» тип массового изготовления. Затем при участии конструкторов и рабочих высшей квалификации разрешается самая трудная и сложная задача: все изготовление разбивается на операции, непосредственно следующая друг за другом и отнимающая приблизительно одинаковое время. В этот определенный промежуток времени должны уложиться вращение каждого из станков или движения каждого рабочего. Львиная доля таланта, ума, опыта и капитала поглощается теперь не самым процессом производства, как было в эпоху «горизонтальных» трестов, а созданием готовности к производству в огромном масштабе. Несказанно изменился самый вид производственных агрегатов. Картины Менцеля безнадежно устарели.

Длинный светлый зал. Чистые кафельные стены с двумя

ярусами чугунных дисков — передних частей замурованных котлов. Выше этажом монотонное гудящее мельниц, распыляющих уголь и автоматически направляющих его в топки. Зал пуст и тих. Ни лязга топочных дверей, ни скрежета лопат. Исчезли полуголые кочегары и подкатчики, съдаемые угольной пылью, покрытые ёдким потом у адского пламени топочных отверстий. Огромной установкой, где освобождается энергия для всего завода, вёдает только один человек. У его стола мраморная доска с измерителями. Под ними маленькие рычаги — вожжи от всех процессов вне и внутри котлов.

Машинное отделение. Нарядный огромный зал со стеклянным потолком. Десять турбогенераторов. Блестят счетчики, тихо передвигаются под стеклами стрелки. Об исполинской мощи, развиваемой машинами, можно судить лишь по вибрации всего здания от фундамента до крыши. В этом обширном и пустынном помещении человека приходится разыскивать.

Автоматические станки, выполняющие множество разнообразных операций в положенное число секунд с точностью, вызывающей суевёрный страх у старых мастеров «позднего капитализма». Эти станки непрерывно втягивают металлические штанги и непрерывно выплевывают на бегущую ленту сложнейшие, уже свинченныя, части машин.

Вот как описывает конечное, сборочное, отделение завода-робота молодой американский профессор, ныне один из сотрудников Франклина Рузвельта. «Вы чувствуете могучий толчок, вызывающий отвёртный гул бетона, стали и стекла, из которых построена мастерская. Это передвинулась лента — и одновременно тысячи рук поднялись, сдѣлали и несколько точно размѣренных движений и на секунду замерли неподвижно. Снова толчок, снова взвывается лёс рук, стук гаечных ключей, взвизгивание ручных станков — и секундный мертвый интервал. И так каждые 20 секунд. Мастерская работает как дирижируемый оркестр, и, когда я закрывал глаза и прислушивался, я улавливал ритм своеобразнейшаго музыкального произведения неслыханной мощи».

Заводу-роботу необходима непрерывная подача сырья или полуфабрикатов, как непрерывен выпуск его изделий. Система складов устарѣла. Нужны собственные шахты и контролируе-

мый заводом же транспорт. Народился «вертикальный трест», охвативший и спаявший замкнутым в себя движением все производство — от добычи руды до выпуска автомобиля.

Новая промышленность совершила три чуда: она может в кратчайший срок обуть, одеть, снабдить инструментами или средствами передвижения неисчислимыя людскія массы или вооружить на землѣ всѣх, кто способен носить оружіе. При очень высокой заработной платѣ ея «серійныя», «стандартныя» издѣлія стоят баснословно дешево. Наконец, совершенно реальныя очертанія приняла тенденція избавить человѣка от труда, обойтись минимумом физических усилий, количественно уменьшить и качественно неузнаваемо деформировать рабочій класс «сверхпоздняго капитализма». И всѣ три чуда, еще до конца не реализованныя в хозяйственной жизни, принесли неслыханныя бѣдствія нашей эпохѣ.

Завод-робот отбрасывает множество причудливых тѣней, и, несмотря на сверхновизну, в нем бродят призраки, как в старом феодальном замкѣ. Густая тѣнь ложится от него в бухгалтерских книгах. Запись расходов на заработную плату необычайно сжалась. Зато чудовищно выросли затраты на основное устройство. Для их покрытія неизбѣжны займы. По займам надо платить проценты. Находится ли завод на полном ходу, работает ли замедленным темпом или стоит, — на расходах это мало сказывается. В противоположность расходным смѣтам заводов «поздняго капитализма», львиная доля издержек падает не на самый процесс производства, а на оплату потенциальнаго могущества, дремлющаго в машинах — звеньях производственной цѣпи. Это цѣна готовности в благоприятный момент, когда цѣпь производства придет в ритмическое движеніе, выбрасывать исполинское количество дешевых и прекрасно сработанных издѣлій. Самое парадоксальное — в том, что такой завод мог бы работать и тогда, когда не кому его издѣлія покупать: относительный рост убытков не стал бы значительнѣй. Тѣни, окружающія завод-робот со дня его рожденія, постепенно все множатся. Появляются тѣни тѣней в банках, переучитывающих и скупающих заемныя обязательства. Солнце конъюнктуры то удлинняет их, то укорачивает: в царствѣ тѣней все

зыблемо, шатко и измѣнчиво. Тѣм не менѣе тѣни повелѣвают конкретно творящими реальностями и по закону почитаются их господами. В наши критическіе дни власть тѣней сказалась главным образом в том, что онѣ останавливали заводы. Привести их снова в движеніе онѣ сейчас совершенно безсильны.

Завод-робот должен обезпечить себѣ постоянный и массовый сбыт. Без такой возможности не оправдана самая его специфичность, и этим он отличается от своего предка — завода дореволюціоннаго. Он не может обойтись без могущественнаго монопольнаго объединенія по сбыту. Тѣ, кто спорит о возможности подчинить хозяйственные процессы плану, часто не догадываются, что давно уже ведущіе верхи индустріи добровольно приняли, если не план, то «устав», в принципѣ от плана мало отличающійся. Только хозяйственным назвать его никак нельзя. Уставы американских монопольных синдикатов весьма мало озабочены интересами потребителя. Многие считают это зло неизбѣжным. Но синдикатам чужды и интересы прогрессирующаго производства. Распредѣляя рынок, они в удѣльном вѣсѣ промышленнаго предприятия игнорируют его производственный уровень. Завод отсталый, работающій плохо и дорого, но имѣющій банковскую опору, получает бѣльшій контингент, чѣм новѣйшій завод-робот. Когда падающая емкость рынка диктует необходимость уменьшить производство, останавливают заводы рационализированные и одновременно пристраивают ненужные цехи в запущенном заводѣ исключительно для того, чтобы оправдать формальное право на бѣльшій выпуск издѣлій. При реализаціи «плана» рѣшающее вліяніе оказывают моменты, ничего общаго с интересами хозяйства не имѣющіе. Синдикат строится как бы на вѣчныя времена. Особыя потомственные привилегіи имѣют «собиратели» синдиката. От договоров монопольных объединеній вѣет духом средневѣковых хартій, межующих домены феодальных властителей и их потомков. Свобода маневрированья этих неуклюжих промышленных армид крайне сужена. Под грозто кризиса онѣ костенѣют, застывая мертвой неподвижной глыбой.

3. Франклин Рузвельт смотрит вперед

«Looking forward» зовется книга Франклина Рузвельта, гдѣ собраны его рѣчи и статьи, имѣющія принципиальное значеніе. Написанная с исключительной ясностью, она посвящена экономическим и политическим вопросам, интересующим население Соединенных Штатов. В ней неизбежно затронуты и всѣ большія проблемы современности. Тѣм не менѣе совершенно немыслимо формулировать по ней міровоззрѣніе президента. У Рузвельта нѣтъ заранее заданной, теоретически выношенной точки зрѣнія на людей, учрежденія и событія. Нѣтъ ничего легче, как уличить Рузвельта в теоретических прорѣхах, противорѣчій, наивности или в том, что им прочитаны не всѣ основные труды по вопросам, о которых он высказывается. Не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что любой посредственный политическій или экономическій обозрѣватель европейскаго журнала прочел по своей специальности гораздо больше книг. И все же статьи Рузвельта обладают особой убѣдительностью, и понятен их исключительный успѣх у американскаго читателя. Франклин Рузвельт, дѣйствительно, смотрит вперед. Над ним не тяготѣют ни теорія, ни политическая традиція. Словно вновь созданному человѣку показан старый мір и разрѣшено снять с вещей их обветшалыя названія и дать им новыя имена, как их подскажет здравый смысл и ничѣм не заслоненные, широко открытые глаза. В этом, пожалуй, есть и «традиція» специфически американской свѣжести и непосредственности, еще не сломленной пионерской вѣры в творческую власть человѣка над отведенной ему дѣвственной землей.

Преобразовательныя идеи Рузвельта принадлежат не ему одному. Онѣ разрабатывались группой молодых ученых. Разрабатывались с научной тщательностью, но и со страстью, невозможной, напримѣр, у нѣмецкаго ученаго. Чрезвычайно характерно, что истоки научной подготовки друзей и соратников Рузвельта восходят не к теоретическим кафедрам политической экономіи, а к особому типу «экономических лабораторій» — конъюнктурным институтам. Главная работа американских институтов, в отличіе от европейских, сводилась к

практической проблемѣ предвидѣнія, а не к теоретическому изученію вопросов конъюнктуры. Вначалѣ конъюнктурные институты обслуживали практическія потребности дѣлового человѣка. Экономическая жизнь усложнилась, и становилось все рискованнѣе руководствоваться «дѣловым чутьем» или «дѣловым опытом». Необходим был нѣкій объективно-научный показатель, «барометр» или «компас», как его называли в Америкѣ. Наиболѣе научные из этих барометров имѣют в своей основѣ разработку современными математико-статистическими методами огромнаго цифрового матеріала. До кризиса научное первенство принадлежало барометрам Гарвардскаго (Кембридж в Массачузетсѣ) и Колумбійскаго университетов. Барометры давали правильныя предсказанія до 1925 года, когда кривая товарнаго рынка вдруг нарушила причинную послѣдовательность: несмотря на движеніе вверх кривой фондоваго рынка, кривая товарнаго рынка за ней не послѣдовала, а до конца года оставалась на мѣстѣ, чтобы потом начать понижаться. Торгово-промышленная дѣятельность процвѣтала, царило полное благополучіе и получался таинственный парадокс хозяйственнаго подъема при падающих товарных цѣнах. В нѣмецкой литературѣ усмотрѣли в этой неувязкѣ банкротство американских выводов на основаніи эмпирически наблюденных правильностей. Доктор Е. Альтшуль писал (в «Магазинѣ дер Виртшафт» за 1927 год), что здѣсь кроется мѣсть экономической теоріи, которой пренебрегли. Теперь мы знаем, что барометр с изумительной чуткостью уловил зарожденіе урагана за четыре года до его опустошительнаго налета, но тогда эта загадка заставила молодых ученых заняться самыми основами хозяйственнаго бытія, подойти к ним с новыми конкретными методами. За годы кризиса, в удушающей безысходности изслѣдователи еще болѣе осмѣлѣли и пришли к открытому бунту: они не хотят больше регистрировать и предвидѣть хозяйственныя явленія, они хотят насильственно на них воздѣйствовать.

Внимательное изученіе идей Рузвельта и его окруженія вскрывает еще один источник их зарожденія — работы технократов. Планы технократов слишком радикальны, а иногда фантастичны, и ни Рузвельт, ни его сотрудники по тактическим соображеніям ссылаться на них не будут. Технократы утвер-

ждали, что техническая революция ведет к необычайному удешевлению и улучшению жизни, но она же вытесняет человека из производства. Человек будет все больше «освобождаться от физического труда» и тем самым от возможности покупать изделия новой промышленности. Нынешние армии безработных лишь в некоторой части своей порождены кризисом. Англия с 1921 года имеет постоянный, мало меняющийся кадр безработных. Это люди без всяких надежд: они навсегда вытеснены из промышленности. Пропасть между производством и потреблением будет все углубляться, и в ней погибнет не только социальный строй, но и человеческая культура. Единственным спасением, по мнению технократов, является непрерывное уменьшение трудового дня для каждого отдельного рабочего с тем, чтобы число работающих непрерывно же возрастало. Если рабочий будет получать свой прожиточный минимум даже при двух-часовом рабочем дне — это не разорит, а обогатит народное хозяйство, так как тогда не будет безработных, существование каждого будет оправдано и одновременно создан неисчерпаемый кадр потребителей товаров. Рузвельтовский «код» предусматривает и неукоснительно проводит в жизнь идею уменьшения трудовых часов и увеличения количества рабочих. Проводит, правда, в очень смягченной форме, приспособляясь к местным условиям. Для деревень уровень заработной платы и часы работы иные, чем для больших городов, различны они для западных штатов и восточных. Происходящие сейчас забастовки вызваны тенденцией рабочих требовать единого «кода» для всех Соединенных Штатов. В данном случае Рузвельту приходится бороться с радикализацией его собственных начинаний.

Наконец, Рузвельт ищет опоры в прошлом, и этот последний источник вдохновения для него лично наиболее характерен. «Три государственных мужа в нашей истории выделяются универсальностью своих идей и своими познаниями — это Вениамин Франклин, Томас Джефферсон и Теодор Рузвельт. Все они были культурнейшими людьми в лучшем смысле этого слова, и все же никто так, как они, не понимал страданий, нужды, надежд и опасений миллионов своих сограждан. Джефферсон, по моему мнению, мыслил глубже всех трех. Это был че-

ловѣк, который видѣл дальше всѣх и всегда знал, как скажутся мѣропріятія сегоднешняго дня на далеком будущемъ.

Джефферсон, подобно Вашингтону, был вымершим вполнѣдствіи в Соединенных Штатах представителем абсолютно независимой политики. Для него государственная дѣятельность являлась служеніем идеѣ им лично выношенной. Он был демократом в лучшем смыслѣ этого слова и боялся, что демократію загубит городская чернь, вооруженная избирательным бюллетенем. Только крестьянство, владѣющее землей, есть подлинная опора демократіи. Он боролся всѣми доступными ему средствами с преувеличенным значеніем городского торгового класса и его вліяніем на государственныя дѣла и проповѣдывал пуританскую честность в политикѣ: можно всю жизнь заниматься политикой и уйти в могилу без малѣйшаго грязнаго пятна. Джефферсона избрал своим идеалом Рузвельт.

Ни один диктатор не имѣет в своем распоряженіи таких полномочій и таких неограниченных средств, как Рузвельт. Они получены им законнѣйшим путем без разгона или смѣны парламента, без опоры на чернь и без похода на Вашингтон. Это единственный в исторіи случай послѣ Ликурга и Солона, когда первому чиновнику страны народ поручает произвести революцію. Ибо то, что намѣрен сдѣлать Рузвельт и что частично им проведено в жизнь, является несомнѣнным социальным переворотом. Как всякій социальный переворот, он характеризуется своей безповоротностью. Удастся ли опыт Рузвельта или нѣтъ, вернуться к исходному положенію послѣ всѣх происшедших измѣненій не будет никакой возможности.

Первоначальная программа National Industrial Recovery Act'a может быть сведена к слѣдующим шести основным положеніям: изгнаніе тѣней из промышленности путем рѣзкаго уменьшенія ея реальной задолженности помощью искусственной инфляціи; вливаніе новых средств в остановившіеся заводы непосредственно государством или через банки; повышение товарных цѣн импульсом той же инфляціи; увеличеніе покупательной способности населенія повышеніем заработной платы и созданіем общественных работ в огромном масштабѣ; временное уменьшеніе предложенія товаров при помощи оградительных пошлин и сдачи на консервацию отсталых предпріятій;

уменьшение часов труда при одновременном увеличении числа рабочих.

Ровно год тому назад конгресс отпустил в распоряжение президента для проведения в жизнь его программы 3,3 миллиарда долларов. С тех пор множество заводов снова пришло в движение. Заводы остались во владении прежних собственников, главным образом банков — обладателей контрольных пакетов; но государство, влив новые средства и вдохнув жизнь в омертвевшие предприятия, сделало как бы соприемником прежних бессильных владельцев. Патологически уродливое плановое хозяйство трестов, картелей и синдикатов стало медленно оздоравливаться. Было бы легкомысленнейшей утопией верить, что столь решительное вмешательство государства будет встречено без сопротивления или не будет сопровождаться неудачами. Следует, однако, отметить, что враждебные социальные силы сопротивлялись нерешительно. У «сверхпозднего капитализма» не хватило сердца для решительной борьбы.

В еще более трудном вопросе заработной платы достигнуты несомненные успехи. Экономическая теория уделяла до сих пор очень мало внимания роли заработной платы, как регулятора потребления. Впервые заработная плата перестала быть только компенсацией за труд, а сделалась мерилом возможностей сбыта для промышленности.

Крестьянство западных штатов, обремененное долгами, требовало немедленного воздействия, грозя чисто политическими осложнениями. Резкое падение доллара облегчало бремя крестьянских ипотек, но оно же осложняло и тормазило попытки повысить реальную заработную плату для сельских рабочих. Безработица за истекший год уменьшилась на один миллион.

Прошел всего только один год. Ошиблись те, что ждали от «эксперимента» Рузвельта немедленной катастрофы, особенно в области денежного обращения. Ошиблись и те, что мечтали ускорить преодоление кризиса для возврата на прежние позиции. Новые, последние планы Рузвельта сводятся к изменению социального уклада страны. Этим планам и отклику на них населения следует посвятить отдельную статью.

А. Савельев.